

57.

ВЕРА ИНБЕР

№ 28445

ШУГЕВОЙ ДНЕВНИК

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

№ 25

УПРАВЛЕНИЕ „ПРАВДА“

МОСКВА — 1941

ВЕРА ИНБЕР

ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК

Издательство „Правда“
Москва — 1941

ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК

Глава первая

МЫ ПРИЕЗЖАЕМ В КУТАИСИ И ОСМАТРИВАЕМ ГОРОД

1

Прекрасна кутансская зима,
Прекрасна тем, что нет ее в природе.
Какой январь, друзья мои! Мы бродим
По улицам. Мы смотрим на дома.
Раскрыты окна. Иволга поет;
Она не улетает круглый год.

2

И мы, приехавшие из Москвы,
Мы, москвичи, в гиперборейских
шубах,
Глядим на пальму. И в ее раструбах
Мы видим голубой до синевы,
Плывущий с гор подоблачный озон.
Колхида. Здесь когда-то был Язон.

3

И сбросивши всю меховую снасть,
 Открытыми руками, без перчаток,
 Жестикулируем, как в детстве,
всласть.

Вот кукурузный золотой початок
 В окне. Редис. Готовая для пира
 Баранина. И вертел, как рапира.

4

Сад городской, где алый краснозем,
 Где пальмы, и магнолии, и грабы.
 Где столько влажной тишины во всем,
 Что даже говорливые прорабы
 (Тут рядом строят), даже и они
 Проходят здесь на цыпочках в тени.

5

Под пальмой вузовцы. Он в
тюбетейке,
 Она в берете, сбитом набочок.
 Друг друга проверяют коротенько;
 У них сегодня, видимо, зачет.
 Чертят. И на песке, взамен стола,
 Квадратный корень, сердце и стрела.

6

Как далеки мы от земли московской,
 От нашей русской, северной земли.

Вот зданье, где учился Маяковский.
У нас вокруг березы бы росли,
А здесь, как бы явился на урок он,
Зеленый лавр стоит у самых окон.

7

И может быть, вот этот самый лист,
Или не этот, но ему подобный,
Видал, как Маяковский-гимназист,
Клонясь над партой в нозе неудобной,
Писал стихи до самого звонка, —
А лавр стоял, готовый для венка.

8

А вот и исторический платан
Во дворике высоком, над Рионом.
Здесь встарину был суд. Синедрионом
Сидели судьи. Дерево-титан
Служило виселицей. И годами
Оно чернело страшными плодами.

9

Теперь его развилины чисты.
Оно стоит кудрявым патриархом,
И летом тень его густа, как бархат,
И дети в ней щебечут, как дрозды.
А в воздухе тем временем плывет
В Сванетию идущий самолет.

Лимонный чей-то сад. Он невелик.
 Балкон. На нем младенец в колыбели,
 А рядом (видно, мать ушла на миг)
 На деревянном стуле — Руставели.
 И легкий ветер (он один — один)
 Вдыхает над главой о Тинатин.

11

Здесь мостовые сделаны хитро,
 Как встарину. Чтоб не скользили кони,
 Здесь будто сотни каменных ладоней
 Поставлены рядами на ребро.
 Но эта кладка древняя камней
 Любезнее асфальта для коней.

12

Под нами город. Опустился вниз он.
 Цепь горная отчетливо-чиста.
 И первая лимонная звезда
 Уже зажглась над черным кипарисом
 (Они еще черней по вечерам).
 Мы на холме. И перед нами храм.

13

Развалина — он сумраком окутан.
 Руина — в нем так много римских
гроз,

Что это складка меха или тень,
 Что то, из-за чего ломают копыя
 Иные чудаки и по сей день,
 Есть плод позднейших живописных
 копий.

Первоисточник же, оригинал
 Старинный, — неразборчив. Он увял.

Возможно, ошибается наш глаз.
 Но вы, кому ошибок смысл неведом,
 Историки, литературоведы,
 Не будьте столь точны на этот раз:
 Вы принесете пользу и добро,
 Отдав нам это спорное перо.

Вы спросите: зачем? Отвечу, в этом
 Есть нечто дорогое нам, поэтам.
 Иной подумает: «Пускай умру,
 Зато мой певчий век недаром прожит.
 Зато меня впоследствии, быть может,
 Без подписи узнают. По перу».

Глава вторая

НАСТУПАЕТ ВЕЧЕР

1

Уже все реже стали раздаваться
По коридору звучные басы.
Уже усталым голосом часы
Внизу, в конторе, пробили двенадцать.
Гостиница идет ко сну. И вдруг —
У двери у моей негромкий стук.

2

Девическое славное лицо..
Такие лица — мы им сразу верим.
Кашне. Недорогое пальтецо.
Подмышкою портфель. А из портфеля
(Он весь набит каким-то багажом)
Торчит бутылка. Кажется, боржом.

3

Художница. Приехала чуть свет
И завтра едет, как и мы, в Гелати.
Устала. Номеров свободных нет.
А здесь, как ей сказали, две кровати.
Так вот нельзя ли ей на эту ночь?..
Конечно, да. Я рада ей помочь.

В портфеле кисти, краски и белье,
 Эмульсия в бутылке, калька, свечи
 (Бывает так, что освещаться нечем).
 Особая работа у нее:
 Она копирует картины, фрески...
 Ребенка только оставлять ей не с кем.

И вот мы с ней сидим перед огнем;
 Акация, как хворост, мечет искры.
 Хотя здесь и тепло, но горы близко,
 И снег на них. Мы время проведем
 У печки. В Имеретии. Зимой.
 Как в Переделкине, как под Москвою.

Итак — художница. У лучших мастеров
 Училась, но работа шла не шибко.
 Портрет тогда хорош, писал Серов,
 Когда в нем есть волшебная ошибка
 А у нее ошибка-то была,
 А вот портрета сделать не могла.

Ну что ж! Тогда она переключилась
 На копии. Ведь это тоже труд,
 И вдохновенный, знаете. Ведь тут

И чувство красок, и чутье, и сила.
Теперь она уже имеет стаж,
И ей дает задания Эрмитаж.

8

Зимой ужасно холодно в церквах;
Бывает так, что отмерзают пальцы,
Но если смазать их бараньим
сальцем,
То ничего. Короче, в двух словах:
Гораздо правильной работать летом,
Но Эрмитаж не думает об этом.

9

Ведь там лежишь на каменном полу
При переводе с кальки на бумагу.
«А, впрочем, я привыкла. Как ни
лягу —
Не простужусь. Привыкла и люблю.
В Гелати я пробуду десять дней.
Там фреска. Я вам расскажу о ней».

10

Пора и спать. Перегорела топка.
Эмульсию мы ставим на окно.
Вдруг ночью выстрел. Вылетела
пробка,
Ее мы ищем при свечах. Темно.
Здесь Рионгас, он экономит свет.
Мы дальше спим. Событий больше нет.

Глава третья
МЫ ОСМАТРИВАЕМ
ГЕЛАТСКИЙ МОНАСТЫРЬ

1

Гелатский монастырь — он на горе.
Туда мы едем в трех машинах, цугом.
И два шофера, Гогла и Петре,
В пути перекликаются друг с другом.
А третий, тот, что с нами, Илико,
Поет все время песню «Сулико».

2

Шофер в Москве — он бы оторопел,
Узнав, что русло горного потока,
Что этот след всемирного потопа —
И есть дорога. Он бы нам запел
Такие арии! А Илико —
Тот едет и поет: ему легко.

3

Цветные сланцы, мергели и глины —
Оттенки кукурузного ксержа, —
Медь, сурик, охра, киповарь и ржа.
И на табачном золоте долины
Риона голубые рукава.
Каков пейзаж! Палитра какова!

4

Здесь в феврале уже идут с мстыгсй,
Капуста выпускает пятый лист.

Соединенье крепости и церкви —
 Гелати нас встречает тишиной.
 Бойницы обветшали и померкли,
 Трава покрыла яркою кошмой
 Надгробия. И двор хоть и спокоен,
 Но сторож тут с винтовкою, как воин.

Все тихо. Даже ветер в волосах
 Устал от вековых повторений.
 Пчела сидит на солнечных часах,
 Но и она мертва. Ей жить не время.
 У крепкой, как сундук, церковной
 двери
 Бамбук качает рыцарские перья.

А сам собор — суровый, без улыбок
 (Он никого вовек не приласкал)
 Прирос геометрическою глыбой
 К базальтовому основанью скал.
 И горы медленным амфитеатром
 Вплывают в амбразуры, кадр за
 кадром.

Внутри, в соборе, сизый полумрак,
 Мозаика двенадцатого века.

Укол осиногое веретена...
 А эти краски! Окиси урана,
 Кобальда, меди. Все эти тона...
 А здесь эмали нет, сквозная рана.
 Нам объясняют: полные тюки
 Отсюда увезли меньшевики.

Они эмали крали в двадцать первом.
 Они спешили (дело было дрянь).
 Из ризы выковыривали перлы,
 Персидскую — из книги — филигрань.
 Они, если б могли, в свои баулы
 Пихнули сакли, города, аулы.

Днем слали представителей в ревком,
 Тянули, шли как будто на попятный
 А ночью, бледные, в багровых пятнах,
 Кидали в трюмы воровским рывком
 Ковры, винтовки, вина, ткани, порох,
 Измен и махинаций целый ворох.

Автографы Тамары, седла, кожи,
 И то, что сейф, как золото, хранил,
 Что в малярной Грузии дороже,

Пожалуй, было золота, — хинин..
Так мы в подвале храма, впятером,
Живой урок истории берем.

19

И снова свет. И снова древний тисс
(У наших ног его сквозная корона);
А там обрыв до самого Риона,
Три километра, только оступись.
И поезд — щурим глаз, его ловя, —
Там мельче шелковичного червя.

20

Сюда не долетит ни пыль, ни звук.
Под нами бездна, мы глядим со
страхом.
Здесь трапезная бывшая монахов,
На солнце выдвинутая, на юг.
Ошеломляющая синева
В пролетах арок — сводит нас с ума.

21

Свирепствуют лианы. У порога:
Стоит, своей величиной страшна,
Из цельного платана, как нироба,
Изъеденная пашелем квашня.
И мы дивимся: а размер, а вес-то!
И сколько же в нее влезало теста!

22

Усевшись вокруг дубового стола,
 Гелатские монахи здесь едали
 Лепешки, мед, барашка. И пчела,
 Пра-предок той, что мы сейчас видали,
 Не по пути ей было, но она
 Сюда влетала, чтоб испить вина.

23

А вне монастыря, в обнимку с горем,
 В черкеске рваной, а не то и без,
 Голодный, тощий кутаисский горец
 Шел контрабандой в монастырский лес.
 Лесничие — как волки. Но когда
 Настали девяностые года, —

24

Округа знала: есть такой, в Багдади,
 Лесничий. Маяковский. Он один
 Не сгубит бедняка вязанки ради.
 Недавно у него родился сын.
 Так пожелаем сыну, чтоб была
 Судьба его, как наш очаг, тепла.

25

А Маяковский-мальчик... Вот судьба!
 (Прочтите у его сестры Людмилы.)
 Ведь это здесь молящихся смутил он,
 Копируя гелатского попа.

И вспомнивши об этом, мы хохочем.
Но это так, но это между прочим...

26

Бездонный воздух. Тишина и свет.
Снега и небо, оторваться трудно.
И спутник наш, украинский поэт,
Вдруг произносит: «Здесь легко быть
мудрым»...

А ведь не плохо, разве он не прав,
Прожить здесь век среди камней и
трав.

27

Описывать одну — от а до зет —
Природу, как Вергилий, как Гораций..
Но разве тучи сводск и газет,
Но разве жар и трепет наших раций,
Но разве гром военных телеграмм
Оставят нам спокойствия хоть грамм?

28

Они домчатся. Ветер их домчит.
Воображение подскажет. Память.
И мир наш, как бы ни был нарочит,
Он разлетится в прах, как этот камень,
Который мы для шутки, просто так,
Пустили вниз. И он летит, бедняк.

Его я ощущаю всякий раз,
Когда свой голос слышу, непохожий
На тот, который только что, в обед,
Произносил «спасибо», «да» и «нет».

33

Рожденная за письменным столом,
По-трудовому просто и обычно,
Моя строка рождается вторично,
Когда, как бы подхвачена крылом,
Она летит по залу. Я сама
Своей строкой теперь потрясена.

34

Пусть это деревянный сельсовет,
Пусть это мраморная колоннада, —
Где б вы ни выступали, — мой совет:
Не напрягайте голоса. Не надо.
Поэзия, звучи хоть как ни глухо,
Дойдет до сердца, если не до слуха.

Глава четвертая

ИДУ НА ПОЧТУ

1

Иду на почту. Что-то я грустна...
О, ничего особенного. Просто
Мне надобно отправить два письма:

Одно из них в издательство. Вопрос
там —
Нельзя ли взять аванс (вопрос
больной),
И небольшое письмецо домой.

2

Оно температуры протоплазмы,
Чуть тепленькое. Формы никакой.
А я могла бы жаркою рукой
(Как трудно удержаться от соблазна!)
Вот эти клетки, эту же тетрадь
Заставить и гореть и трепетать.

3

И ставшее большим и многолистым,
Послать (и непременно заказным)
Тебе письмо и сердце вместе с ним.
И знаю, никаким филателистам
Не снилась та любовь, с которой я
Ласкала 6 марок нежные края.

4

Тех марок я — какого только сорта
Ни покупала (ты их береги):
В Норвегии на берегу фьорда,
Во Франции на берегу реки,
Реки огней. Она текла в Париже,
И всюду адресатом был все ты же.

5

Любимый мой, все шире между нами
Быстробегущий времени поток.
Уже мелькнул и скрылся за волнами
(Ты долго мне махал им) твой платок.
И вот уже ни лоскутка, ни звука.
Все ширится и ширится разлука.

6

Любовь была вот именно по гроб,
Но вздор, пустяк... и все пошло иначе.
Так иногда в космической задаче
Допущена ошибка. Мелочь. Дробь.
И навсегда осталось неоткрытым
Движенье двух сердец по их орбитам.

7

Разлука затуманила черты;
Тут никакая память не поможет.
Мы не встречаемся с тобой. И все же
Встречаемся с тобою, я и ты.
Так например, однажды в ночь, зимой,
По радио ты слышал голос мой.

8

В другой раз вечером, весною ранней
Над горною рекою во весь рост
Передо мною вырос на экране

Тобой недавно выстроенный мост.
И показалось мне, что страшно просто
К тебе вернуться по такому мосту.

9

Казалось: за рекой, рукой подать,
Пропах медовым табаком и хвоей
Твой дом. Мы снова молоды, мы двое...
Нет, мы стареем. Вот седая прядь.
Нет, это больно. Не хочу страданья.
Прощай, мой друг. До нового свиданья!

Глава пятая

МЫ ПОДНИМАЕМСЯ НА ГОРУ
«МЕДОНОСНУЮ» И ОПУСКАЕМСЯ
В СТАЛАКТИТОВУЮ ПЕЩЕРУ

1

Мы, северяне, жители равнин,
Мы плохо знаем жизнь своей планеты;
Ее иероглифы, ее пометы.
Безгорный край с горами несравним.
Просторные поля: пшеница, рожь, —
А что — на тех полях и не прочтешь.

2

Но здесь иное. Здесь вела дневник
Планета наша. Здесь ее скрижали.
Озера эти выпахал ледник.

От раскаленной магмы здесь дрожали
Казбек, Эльбрус. И горные хребты
Сминались, как бумажные листы.

3

А до того здесь был туман и дым;
Уже рождались первые моллюски.
Была вода. Гора, где мы стоим,
Еще не начинала быть. И сгустки
Материков, материковый щит
Лежал на дне. Природа не спешит.

4

Текли геологические эры,
Свои объемы нам не указав.
Менялся климат. На песчаник серый
Встал мезозойский ящер, динозавр.
Десятиметровый, весом в десять тонн,
Яйцеродящий игуанадон.

5

Клюв черепаший в роговом чехле,
С надглазниками, с птицевидным
глазом,
С овечьим мозгом, с крокодильим
тазом,
Ступал он по неопытной Земле,
Которая сама еще не знала,
Кого и как вписать в свои анналы

6

В трясиине водоемов и болот,
 Где знойные дымились дни и ночи,
 Он жил. Самец, и самка, и приплод
 (Передние конечности короче).
 И задние трехпалые следы
 Оттискивались на черте воды.

7

Потом они отвердевали в сланце,
 Их как бы покрывал природный лак.
 И там, где низкий был архипелаг,
 Вставал горбом материковый панцырь.
 И берега вздымались на вершины,
 Как здесь, куда подъем мы совершили.

8

Здесь было девять игуанадонов,
 От них осталось шестьдесят следов.
 И миллионы медленных годов
 Их пронесли на каменных ладонях,
 Пока на них не совершил набег
 Один прелюбопытный человек.

9

Сосредоточенный, неговорливый.
 Без шапки. Коренаст и полусед.
 Учился в Дерпте. Побывал в Берлине,

Естественный окончил факультет.
Теперь он здесь Хранителем Веков,
И у него ключи от всех замков.

10

Ключ от Гелати, от его эмалей.
Ключ от Баграта, от его руин;
У каждого ключа особый чин.
Ключ от музея. Новый. Весь из стали.
А этот (он особенно гремуч) —
От сталактитовой пещеры ключ.

11

Хранитель здесь воспитывался, рос оп.
Он все эти места перелистал.
Ему, задолго до того как стал
Он штатной единицей Наркомпроса,
Была известна каждая тропа
Насквозь. А говорят: любовь слепа.

12

Неверно это. Зачастую тот,
Кто сильно любит, чья любовь в
разливе,
Становится мудрей и прозорливей.
И там, где Равнодушие найдет
Поверхность ординарную одну,
Любовь предугадает глубину.

13

Так и Хранитель. Он открыл пещеру,
 Он запер это чудо на замок.
 Установил проходы. Принял меры,
 Чтобы никто использовать не мог —
 Ни люди, ни животные, ни змеи —
 Пещеру ту. Мы к ней придем позднее.

14

Но это не было его последним
 Открытием. Он, исписав тома,
 Добился превращения в заповедник
 Редчайшего лесистого холма,
 Куда сошлись как бы с научной
целью
 Все — от карагача кончая елью.

15

Азалия, самшит и каприфоль,
 Бук, ясень, рододендрон, лавровишня.
 И легкий ветер, взявшись ниотколь,
 Пройдя всю эту гамму еле слышно,
 Как в трубах разноствольного органа,
 Приобретает звучность урагана.

16

И наконец, на костяке горы
 «Сатанлии», что значит «Медоносной».

Взвился дымок затяжки папиросной:
То в зной, без шапки, волосы мокры,
Огромного упорства индивид
Песчаник древний чистит и скоблит.

17

И вот на кафедральной высоте,
В амфитеатре горном, над Колхидой,
В безлюдьи, под орлиною эгидой,
На твердом кристаллическом пласте,
В сохранности поистине нетленной
Предстала запись молодой вселенной.

18

Вот это старый игуанадон —
Вожак, быть может. Предводитель
стада.

А этот помоложе, думать надо.
И ясно: допотопный Селадон
Неутомимо шел походкой танка
Туда, где тяжело порхала самка.

19

И, видимо, Хранителю обидно,
Что вот следы... А кто их здесь видал?
Он пыль из них, чтоб лучше было
видно,
Выскребывает ручкой «Идеал».

И тщательно, на корточках, потом
Он лоск на них наводит обшлагом...

20

Мы под землей. Сегодня встали в шесть
мы

Утра. И мы вместили в этот срок
И солнечную даль у наших ног,
И темноту подземных путешествий,
Где сыро. Где безглазая мокрица,
Услышав нас, торопится укрыться.

21

Мы под землею. О, зеница ока!
О, бедный глаз! Как жадно ловишь ты,
Колеблющийся в море темноты
Свет факела. Держа его высоко,
Идя вперед, нам освещает штрек
Полуседой, без шапки человек.

22

Здесь стэлактиты бивнями сошлись
(Багрово дышит факельное пламя).
А там собор, натекший сверху вниз,
Готический, весь белый, как в Милане.
Подземная вода и доломиты, —
И вот какие чудеса намыты.

С экскурсиями. Там мой ум рассеян.
И если бы не купленный каталог,
То я через полчаса сбегала б.

2

Но пусть это интимный пересказ
Событий: трубка, одеяло, койка,
То ли в квартире Пушкина на Мойке,
У Гете в Веймаре, или у нас
В Хамовниках, у нашего Толстого, —
И на́ год я остаться там готова.

3

Хозяина не стало. Праха горсткой
Он стал. Но не забуду никогда,
Как Лермонтовский домик в Пятигорске
Был полон теплой жизни и труда.
И за стеклом, в шкафу, казался дик
Надгробных лент мучительный цветник.

4

Пускай нам будет ясен и разборчив
Рисунок прожитого. Пусть фонтан
Бахчисарайский будет не испорчен,
Не иссякает. Пусть, назло годам,
Таков, как есть, не искажен, не
скомкан,
Багдадский домик перейдет к потомкам.

5

Из дерева. Каштановый. Он мал.
 Жилье лесничего, он далеко не
 Роскошен. Входим. Нас никто не ждал.
 Шафран на нитке сохнет на балконе,
 И на гвозде у двери вязка перца
 Краснеет, точно кровь у входа в
 сердце.

6

Здесь родился ребенок. Первый крик
 Его раздался в этой комнатушке.
 Здесь он лежал. В гробу он был велик,
 А тут весь умещался на подушке.
 И на прикус младенческого рта
 Глядел рассвет с Гурийского хребта

7

Ребенок, мальчик, ростом был высок.
 Смешливый, умный и сердитый — здесь
 он
 Тянулся вверх. И становился тесен
 Ему родных созвездий гороскоп.
 Его теснили горные верхи.
 Он рос. И он писал уже стихи.

8

Он голос развивал. И не за тем ли
 Он залезал в сосуд из-под вина.

Кувшин такой. Их зарывают в землю
Почти по горло, только часть видна,
А вся амфора врыта. Это надо,
Чтобы в вине всегда была прохлада.

9

И путник, даже если и спешил,
Задержится и слушает, бывало,
Как отроческим голосом кувшин
Не то поет, как звонкий запевала,
Не то гудит. И пористая глина
Рождает эхо в тишине долины.

10

Теперь не то. Молчат леса и горы,
От эха не осталось и следа.
Уже иная, смертная амфора
Вобрала этот голос навсегда.
Но нас доводит до галлюцинаций
Неповторимость этих интонаций.

11

Знакомый голос в землю не зарыт.
Еще в Политехническом музее,
Как на арене в римском Колизее,
Живет воспоминаний львиный рык.
Еще звучит языческое эхо:
Аплодисментов гул и взрывы смеха.

Владимир Маяковский, голос твой
 (Такие голоса не умирают)
 Еще звучит из урны гробовой.
 Твои слова и школьник повторяет
 И вождь. И Маяковского строка
 По-пушкински переживет века.

Мы возвращаемся. Умолкли речи.
 Дорога и пустынна и темна.
 Ночные фары мечут столб огня.
 Да изредка из темноты, навстречу,
 Метнется дерево или жильё.
 И ринется во мрак. И нет его.

Глава седьмая

НАКАЗ

1

Мы завтра едем. Улучив часок,
 Укладываюсь. Привожу в порядок
 Заметки. Тот или иной кусок
 Уже почти готов. А здесь же, рядом,
 Еще сырье. И я, в который раз,
 Со стороны даю себе наказ:

2

Обдумай каждую деталь. Проверь
 Ее опять. О, если б было можно
 Сработать вещь, как шелковичный
червь
 Свивает кокон — тонко и надежно.
 Но много тяжелей бывает вить
 Сюжетной ткани шелковую нить.

3

Там безобразный узел. Там обрыв.
 Там расщепленье темы. Мысль
дробится,
 Скудеет. Ход ее извилист, крив;
 Не знаешь, как помочь ей укрепиться.
 И так — на ниточке, на волоске
 Ты повисаешь в яростной тоске.

4

А то не так. А то — иная пытка.
 Вдруг золотая жила, целый клад
 Тебе откроется. Все так пойдет на лад.
 Что ты уже страдаешь от избытка,
 Как если б сразу были зажжены
 Два солнца или дважды две луны.

5

Мой друг Сельвинский говорит, что ямб
 Изжил себя. Перегорел. Как, скажем,

Эпоха свеч и керосинных ламп
Не вынесла бы нашего вольтажа.
Но, думается, ямбовый кристалл
И по сей день еще не отблестал.

6

Нет, русский ямб — он в духе языка.
И даже прозаическая фраза,
И та порою, как издавека,
Из каменного угля грань алмаза, —
Нежданной, неожиданной такой
Проблещет вдруг ямбической строкой.

7

Нет, ямб хорош, хотя и очень строг;
Не терпит словоблудия и фальши.
Не терпит двоедушья между строк.
Он все трудней становится, чем дальше
Мы пишем им. Но это ничего.
Поэты, кто за ямб? Я — за него.

Глава восьмая и последняя

МЫ ПРИГЛАШЕНЫ НА ЕЛКУ

1

Он старше многих птиц и многих рыб.
Он мужествен и весел, — вот каков он.

Он перенес период ледниковый;
Косматый мамонт — даже тот погиб,
А виноград, одетый лишь пушком,
Дошел до нас, подпершись посошком.

2

Кудрявый странник, легкая душа,
В бочонке тесном — даже там он бродит.
И на зернистом мраморе надгробий
Лоза изваянная хороша.
Брожение жизни — нет ему конца.
Оно и там — в могиле мертвеца.

3

Он чистоплотен. Он к теплу привык.
Он любит солнце, но и то не
слишком.

Порою ревматизмом, как старик,
Хворает он, весь в желваках и
шишках.

Порою, чтобы зной его не сжег,
Ему наденут шляпу на глазок.

4

И он стоит довольный — так и надо:
Облитый нестерпимой синевой,
Но в холодке. А осы и цикады
Его боятся: думают — живой.
Его Мичурин за Полярный круг
Погнал. И он пошел, хоть и не вдруг.

5

Персати, ацхатури, саперави
 И вязкое, как хинная кора,
 Но сладкое, как роза, хванчкара...
 Увы, — его нельзя в Москву отправить.
 Оно среди чужих земель и вод,
 Как ласточка в неволе, не живет.

6

Но есть иные вина. Без очистки,
 Желтеющие мутью молодой.
 Не для продажи, для друзей, для
 близких,
 Для ужина под елочной звездой.
 О елке: мы не думали никак,
 Что здесь ее найдем. Но это так.

7

Я допускаю, что иной знаток,
 Великосветских вин живой каталог,
 Смакуя грав, бордо или медок,
 С их ароматом трюфлей и фиалок, —
 Он улыбнется (он неисправим)
 При виде этих безыменных вин.

8

В квасных бутылках. Белый ярлычок,
 Где год розлива, чтобы все глядели.
 Есть старики, а есть молоднячок,
 Которому лишь без году неделя.

Но собранный с полчетверти гектара
В родных горах — он сладостней
нектара.

9

Ни снега здесь, ни новогодних вьюг,
Ни лыж, ни радиаторов горячих.
Здесь елку за портьерами не прячут.
Здесь при открытых окнах (это юг)
Она блестит флажками, как корабль,
Пришедший из Архангельска в Неаполь.

10

Пройдут года. Но думаю, навряд ли
Забудем мы ту елку, звезды те.
Нагорный дом. Террасу. Виноградник.
И еле слышимое в темноте
Ночное шевеленье зимних лоз,
И детское дыханье сонных коз.

11

Январский вечер тих, как поздним
летом.
И Млечный путь, где, как жемчужный
рис,
Текут седые солнца и планеты,
За горизонт легко уводит вниз.
И с жестом медленным, как и слова,
Хозяин произносит: «Там Москва».

12

Рабочий стол под лампой. Типина.
 Спокойствие, хоть летопись пишѣ там.
 Заложен веткой горного самшита
 Том Ленина на полке у окна.
 И гранки (он редактор — наш хозяин)
 Шевелит ветер, еле осязаем.

13

Зовут к столу. А там уж в три ряда
 (Вечерний стол — что может быть
 красивей!)

Расставлены грузинские блюда:
 Ореховое острое сациви,
 Харчо — барашек, он недолго рос,
 Джонджоли — травка, острая до слез.

14

Семья хозяина: жена и он,
 Его старуха-мать, имеретинка
 (Под подбородком черная косынка),
 И дети-пионеры. Как пион.
 Два галстука, четыре черных глаза:
 Отцова гордость, это видно сразу.

16

Садимся. Сели. Выбран тамада
 И два его помощника. Стаканы
 Уже наполнены. И пьем пока мы,

Под этот кров — да не войдет вода!
И чувства цельные и цельное вино
Водю разбавлять запрещено.

16

Старуха-мать... Прекрасное лицо.
Прообраз Грузии. Повырастали
Ее сыны: могучее кольцо.
Их четверо. Трех мы не застали.
Они — по всей стране. Подыдем тост
За их успехи и дальнейший рост.

17

Да, жалко, что отец их, водовоз,
Не дожил до блаженного сознанья,
Что вволю утолили жажду знанья
Его четыре сына. Каждый рос,
Как он, отец их, и не смел мечтать...
Но вот встает сама старуха-мать.

18

Она встает, и мы за нею встали.
Звучит гортанный лад грузинских слов.
Мать пьет за четверых своих сынов.
Мать произносит слово: слово—Сталин.
Ее рука дрожит. И вместе с ней
Мы пьем за лучшего из сыновей.

19

Искусство тостов и речей застольных
На севере утрачено, да, да.

Искусство древнее. Его не столь мы
Забыли, сколь не знали никогда.
Но в странах, где рождается вино,
Там пьют его красиво и умно.

20

А в Грузии особенно. Грузин,
В родных горах ли, на чужой низине,
В любви и дружбе он неотразим,
В борьбе с врагом — еще неотразимей.
И эти свойства в нем горят огнем,
Когда он поднимает рог с вином.

21

Он пьет за ярость. Пусть неукротимо
Рука разит предателя-врага.
Он пьет за родича, за побратима,
Чье имя будет жить и жить века,
Чей образ в бронзе и народной песне
Что день — то величавей и чудесней.

22

Приди же, песня! Рокот струн рассыпь.
Без песни и бокал вина не полон,
И мед не сладок, и пирог не солон,
И сердце голодно, и ум не сыт.
И вот из полутьмы на яркий свет
Выходит Песня. Ей семнадцать лет.

Сестра хозяйки. Черных две косы
 (Концы их, как ужаленные, вьются).
 Глаза блестящие, как от росы.
 Черешневые губы не смеются,
 Они серьезны. И в руках у ней
 Род мандолины, только гриф длинней.

24

И дека узкая на ковш похожа,
 И только три струны взамен восьми.
 Чонгури это. Ты ее возьми,
 Коснись струны. И мельче лунной
дрожи,
 Как бы из наклоненного ковша,
 Прольется звук, прохладою дыша.

25

А вот и чаша с вязью по краям.
 И лучше, хуже, громче или тише,
 Но каждый должен спеть
четверостишье,
 Как некогда певал Омар Хайям
 О милых сердцу или о себе,
 О человеке и его судьбе.

Наш хозяин — редактор
 (поет)

Газетный лист — он немудрен на вид,
 Но буквами различными пестрит.

Не так ли жизнь, где молодость —
курсивом,
А старость — неразборчивый петит.

Один из нас, поэтов
(поет)

Невесело тебе, а ты пиши.
Ты счастлив от души, а ты пиши.
Не растекайся чувствами по дереву,
Не забывай, что ты поэт. Пиши.

Шофёр Илько
(поет)

Увидев розу у своих колес,
Я влево взял, хотя там был откос.
Не потревожил я цветка нимало:
Пускай умрет не от моих колес.

Сестра хозяйки
(поет)

Разбойник-коршун, вон его крыло!
К соседу я: «Скорее сбей его!»
Тот глянул — и попал мне прямо в
сердце.
А коршун? Я забыла про него.

И вот пока поет, как горный дрозд,
 Чонгури старая и голос юный,
 Плывут над нами млечные буруны,
 Рой планет и завихренья звезд.
 (Пожалуй, и домой уже пора нам,
 Мы завтра уезжаем утром рано.)

И Пояс Ночи шириной в полсуток
 (В какой еще стране он так широк?)
 От мехового стойбища якутов
 До цитрусов, где сладок ветерок, —
 В дыму пурги и в звездной тишине
 Проходит Пояс Ночи по стране.

Уснула Волга. Спят ее притоки.
 На Черном море черен Тарханкут.
 Уже светает во Владивостоке,
 А в Негорелом скоро свет зажгут.
 Но всюду, всюду контуры страны
 Лучом одной звезды обведены.

И если б мы предположить могли,
 Что где-то есть астроном-марсианин,
 То он сказал бы: «Странно просияли
 Округлости одной шестой земли».

Он назвал бы иначе как-нибудь
Планету нашу. Но не в этом суть.

30

О, Грузия! Как мне найти слова,
Чтобы с алмазной четкостью и силой
Пересказать не только то, что было,
А то, что есть. Чтоб лучшая глава
Была не о руинах — мир теней, —
О современности была. О ней.

31

Увидеть Грузию не так. Иначе.
Не прошлого немое бытие,
А жизнь, живую жизнь. Вот задача.
Вот замысел. Намеренье мое.
Я вижу эту новую главу,
Я ею, понимаете, живу.

32

В нее войдут заветные места.
Горийский домик малого размера;
Предметы в нем просты, как в дни
Гомера,
Вместительность орлиного гнезда.
Овеян током горного эфира,
Тот бедный домик стал богатством
мира.

Страна моя, я у тебя в долгу,
 Я у тебя в долгу, моя эпоха.
 Я о тебе писала мало, плохо,
 Я постараюсь сделать, что могу,
 И даже больше. В том-то все и дело,
 Чтобы преодолеть свои пределы.

Ну, а сейчас закончим наши тосты.
 (Да здравствует помощник тамады!
 Сейчас он нам нальет, да не воды.)
 За родину! За Грузию! За звезды!
 За творчества великолепный час!
 За юность! За мичуринскую осень!
 И наконец,
 Как за венец всего, —
 Иосиф
 Виссарионович,
 За Вас!

12/1—22/VII 1938 г.

Москва—Переделкино.